

В ту ночь Са Модоло снова приснился кошмар, который преследовал его с самого детства. Он оказался посреди темного леса, затянутого клубящимися туманами: не разобрать ни откуда пришел, ни куда идти. Позади за ним гналась какая-то безликая черная тень, а в ушах шумно и гулко отдавались самые разные звуки: «Спасите...» Плач, крики, вопли — словно он очутился на поле боя, усеянном телами, где повсюду свирепые убийцы безжалостно рубили смертоносными клинками ни в чем не повинных, жалких людей. Земля была залита кровью, а воздух пропитался ее густым, тошнотворным запахом. И тогда мертвецы подняли покрытые кровавым месивом руки, вцепились в его одежды, словно пытаясь утянуть в бездонную пасть отчаяния. Он отчаянно вырывался, кричал, изо всех сил бросился бежать, но как ни старался, не мог вырваться из этой темной зловещей топи. Наконец, выбившись из сил, он остановился, тяжело задыхаясь, — и тогда окровавленные руки вместе с клубящимся черным туманом обратились в огромную разверстую пасть, готовую его поглотить. Издав испуганный вопль, Са Модоло резко проснулся, весь в холодном поту, с учащенным дыханием.

Однако на этот раз сон немного отличался. Он по-прежнему бежал изо всех сил, пока не выбился из сил и не остановился перевести дух; пасть снова ринулась на него, и он в очередной раз помчался вперед, вложив в бег всю оставшуюся энергию. Бежав так, он заметил впереди крошечную точку света. Свет постепенно превратился в узкую щель, а затем — в дверь. Он сделал отчаянный прыжок, желая влететь в эту дверь, но пасть вцепилась в него мертвой хваткой. И в тот момент, когда его уже почти утащили вниз, из двери протянулась рука и втянула его внутрь. Обессиленный, он рухнул на какого-то человека и тяжело, прерывисто задыхался. Тот крепко обнял его, легко похлопывая по спине, и успокаивающе произнес: «Не бойся, я с тобой». В полумраке сна этот голос показался ему до боли знакомым; открыв глаза и заглянув в лицо человека, он лишь спустя долгое время узнал Юань Чжана. Юань Чжан нежно и преданно улыбался, в его глазах сиял жаркий свет, и он говорил: «Если ты уйдешь от меня, я рассержусь и мне будет очень больно». Поддавшись инстинкту, Са Модоло крепко обнял Юань Чжана в ответ, словно прижимая к груди бесценное сокровище, и прошептал ему на ухо: «Нет, я никогда от тебя не уйду».

Са Модоло едва не проснулся от собственного голоса. Очнувшись, он снова обнаружил себя всего в поту, с частым дыханием и ледяными руками и ногами. Юань Чжан лежал рядом на боку, одна его рука мягко обнимала Са Модоло, лицо находилось совсем близко, и ровное дыхание волнами касалось его кожи. В этот момент Са Модоло внезапно почувствовал, как по телу блуждает мощная волна жара — жар этот заставлял придвинуться к лежащему рядом человеку, захотеть прижаться к нему так же крепко, как во сне.

Юань Чжан сонно приоткрыл глаза и, заметив, что Са Модоло весь в поту и с болезненным выражением на лице, участливо спросил:

— Что случилось?

— Приснился кошмар.

Юань Чжан с поразительной естественностью прижал его к себе, легонько похлопал по спине и мягко произнес:

— Не бойся, я здесь.

Са Модоло на миг потерял счет реальности, едва ли понимая, где явь, а где сон. Одурманенный странным порывом, он протянул руки и крепко обнял Юань Чжана.

Юань Чжань продолжал поглаживать его по спине, а другой рукой нежно перебирал слегка вьющиеся волосы, убаюкивая словно ребенка:

— Не бойся, не бойся, я с тобой.

Этот голос звучал как колыбельная. Под эти звуки Са Модоло успокоился и снова погрузился в глубокий сон.

С того дня он начал всерьез задумываться о некоторых вещах: о странной, беспричинной растерянности, которую он испытывал рядом с Юань Чжанем; о том, как заставлял его сердце биться быстрее этот обжигающий взгляд Юань Чжана; о почти беспредельной доброте, которую Юань Чжань проявлял к нему, и о той фразе, что повторялась и во сне, и наяву: «Если ты уйдешь от меня, я рассержусь и мне будет очень больно». Всё это зашло слишком далеко — теперь он уже не мог просто отмахнуться и делать вид, будто ничего не происходит. И тогда он задействовал свой острый ум, всю проницательность и логику, шаг за шагом распутывая клубок улик и пробираясь сквозь наслоения мыслей, отчаянно пытаясь отыскать ответ. Пожалуй, это было самое трудное расследование в его жизни: как ни крути, как ни ломай голову, некоторые детали упорно не укладывались в картину. И самое странное — эти непонятные моменты вовсе не касались Юань Чжана, они касались его самого. От этого становилось еще тревожнее, и впервые в жизни он действительно не знал, как поступить.

И все же его беззаботная натура и привычка смотреть на всё сквозь пальцы по-прежнему позволяли ему выглядеть совершенно привычно. Он точно так же весело болтал с Юань Чжанем по дороге, красовался, когда выпадал случай, хвастался и победоносно ухмылялся, затеявая очередную шалость. И лишь там, куда Юань Чжань не мог заглянуть, его душа наполнилась тяжелыми думами.

На всем пути попадалось всего несколько приличных постоялых дворов, и большую часть времени они с Юань Чжанем делили одну комнату на двоих. Впрочем, Юань Чжань был только рад, если в какой-нибудь гостинице не хватало номеров, давая ему законный повод ночевать вместе с Са Модоло.

После той ночи с кошмаром Са Модоло уже не мог лежать рядом с Юань Чжанем с прежней непринужденностью и легкостью. Несколько ночей подряд он таращился в темноту, погруженный в глубокие мысли, и ловил себя на желании прижаться к нему так же крепко, как в ту ночь. К собственному удивлению, он безумно тосковал по ощущению объятий Юань Чжана — от этого чувства кружилась голова, а в груди росло жгучее стремление стать к Юань Чжаню как можно ближе. Всякий раз, ловя себя на подобных мыслях, он был готов принять какое-нибудь мощное снотворное, лишь бы провалиться в забытие и больше ни о чем не думать.

Юань Чжань тоже постепенно начал замечать перемены в спутнике: тот стал молчаливым, пожалуй, даже меланхоличным. Когда Юань Чжань заводил случайный разговор, Са Модоло вроде бы слушал с увлечением, но на самом деле глядел на говорящего Юань Чжана

отсутствующим взглядом и в итоге совершенно не слышал, о чем шла речь. Стоило Юань Чжаню повернуться к нему, как он смущенно отводил глаза и делал вид, что рассматривает пейзажи, на которые тот указывал ранее. Позднее Юань Чжань заметил, что Са Модоло перестал смотреть ему прямо в глаза и то и дело норовил сменить тему. Своей чуткостью он улавливал тайные взгляды, которыми Са Модоло провожал его исподтишка, и то, как тот мгновенно отводил взор в тот самый миг, когда он оборачивался. По ночам Юань Чжань иногда притворялся крепко спящим и отчетливо ощущал, как дыхание Са Модоло приближается к нему, но неизменно замирает в шаге от него, сменяясь долгим, тяжелым вздохом. В такие моменты губы Юань Чжана невольно трогала улыбка.

Миновав горный хребет, они увидели у развилки дороги мужчину средних лет с луком и стрелами за спиной — по всему было видно, что это местный горный охотник. Мужчина сложил руки в приветственном жесте и громко произнес:

— Я Са Ян. Осмелюсь спросить, не вы ли друзья Девятого господина? Девятый господин велел мне встретить вас здесь.

Са Модоло прыгнул с повозки и обратился к охотнику:

— Вы тот самый Са Даге? Девятый господин говорил: доберемся до границы, если негде будет остановиться — разыщи Са Яна.

Са Ян громко рассмеялся и простодушно ответил:

— Прошу за мной.

Шагая плечом к плечу с Са Яном, Са Модоло заговорил:

— У тебя фамилия Са, у меня имя Са Модоло — если округлить, мы почти что сородичи. Младший брат уже слышал от ребят, что у Са Даге великолепный навык стрельбы из лука. Сегодня выпала честь убедиться в этом воочию, надеюсь, ты откроешь мне глаза на настоящее мастерство.

Са Ян улыбнулся:

— Раз уж мы почти сородичи, к чему эти церемонии? Оставайся у меня подольше, я сам отведу тебя в горы на охоту.

Са Модоло воодушевленно просиял:

— С удовольствием! — и потер руки. — Дичь, добытая на охоте, отлично подойдет к вину.

Са Ян кивнул:

— Точно. У меня припасено отменное крепкое вино. Сразу видно, что ты любитель выпить, так что мы непременно должны хорошенько посидеть за кубком.

Са Модоло закивал в знак согласия, выглядя так, будто для него за встречу с родственной душой и тысячи чаш будет мало.

И действительно, в тот вечер оба пили с огромным удовольствием. Юань Чжання они тоже уговорили пропустить парочку лишних чарок.

Са Модоло, лукаво и шкодливо ухмыляясь, протянул:

— Ты вечно такой учтивый и утонченный, а мне так любопытно посмотреть, какой ты, когда наливаешься.

Юань Чжань отнекивался как мог:

— У меня слабая голова, опьянев, я начинаю буянить и теряю всякий облик.

Глаза Са Модоло загорелись:

— Так это же самое веселье! Давай-давай, выпей еще.

В итоге Юань Чжання напоили до такого состояния, что он едва держался на ногах, и в конце концов Са Модоло пришлось под руки вести его в комнату.

Са Модоло пьян не был, лишь слегка захмелел. С Юань Чжанем всё обстояло совершенно иначе: внешне он вроде бы казался еще в сознании, но на деле мысли его спутались, а разум заволочло туманом.

Усадив его на край кровати, Са Модоло налил чашку чаю и протянул со словами:

— Выпей, перебей хмель.

Юань Чжань взмахнул рукой и сбил чашку на пол. Лицо его исказилось от ярости, руки сжались в кулаки, щеки покраснели, а тело слегка задрожало. Проскрежетов зубами, он бросил:

— Убирайся.

Са Модоло на миг остолбенел. Сообразив лишь спустя пару секунд, он вспомнил предупреждение о том, что в пьяном виде у того скверный характер — так вот оно что? Как занимательно! Проснулся азарт, и он налил еще одну чашку, протягивая ее Юань Чжаню. Тот взял чашку и с силой швырнул ее об пол. Не произнося ни слова, он задрожал еще сильнее, а кулаки сжались до боли. Медленно по этому озлобленному лицу скатились слезы, бесшумно падая вниз. Похоже, он и сам понимал, что плачет, и изо всех сил пытался сдержаться, но чем сильнее он давил в себе слезы, тем обильнее они лились. Закусив губу до крови, он изо всех сил старался не издать ни звука.

Са Модоло замер. Немигающим взглядом он смотрел на то, как Юань Чжань молча плачет, как отчаянно пытается совладеть с собой. Вспомнив его слова о холоде и распрях среди близких и братьев, вспомнив это неотступное выражение холодной отрешенности и одиночества на его лице, Са Модоло почувствовал, будто его сердце кто-то кольнул — тупо и болезненно. Внутри всё смутилось, закружилось в каком-то неподвластном воле порыве, и он, подойдя ближе, крепко обнял Юань Чжана:

— Плачь. Выплачься, и станет легче.

Уткнувшись лицом ему в грудь, Юань Чжань издал глухой, похожий на жужжание москита стон. Он всё еще боролся с собой, судорожно обнимая Са Модоло в ответ. Тело его затряслось еще сильнее, но он по-прежнему отчаянно пытался сохранить видимость спокойствия. Сколько же невыносимой боли и подавленного горя должен был вынести человек, чтобы даже в пьяну не сметь дать волю слезам, а продолжать истово терпеть?

Похлопывая Юань Чжана по спине, Са Модоло вспомнил собственную тяжелую ношу, вспомнил каждую крупницу радости, которую выжимал из себя силой, чтобы заглушить эту тяжесть, вспомнил протянутую во сне руку — и прижал Юань Чжана к себе еще крепче, непрерывно повторяя:

— Не бойся, я с тобой, я побуду рядом.

Прошло немало времени — вероятно, Юань Чжань просто выбился из сил. В этом теплом объятии его напряжение наконец спало, тело расслабилось. Подняв голову и встретившись взглядом с захмелевшим лицом Са Модоло и его полными участия глазами, он неожиданно поднялся, прижал Са Модоло к себе и поцеловал.

Са Модоло застал этот поцелуй врасплох. Сообразив с опозданием, он попытался оттолкнуть его, но Юань Чжань, перехватив его руку, резким движением развернул и повалил на постель.

Са Модоло запаниковал. Из последних сил уворачиваясь и отталкивая захватчика, он столкнулся с тем, что пьяный человек оказался невероятно тяжелым, а сила в теле Юань Чжана возросла многократно. Чувствуя сопротивление и борьбу, тот стал действовать еще настойчивее. Са Модоло завопил:

— А-Чжань, опомнись, я же Са Модоло, пусти меня!

Он рассчитывал, что услышав собственное имя, Юань Чжань придет в себя и остановится. Но кто же знал, что это имя подействует как искра на пороховую бочку, окончательно воспламенив его.

В панике Са Модоло вытащил из подвешенного на груди клыка серебряную иглу и вонзил ее в затылок Юань Чжаню. Движения Юань Чжана мгновенно замедлились, а затем и вовсе прекратились, и он тяжелым грузом осел на Са Модоло.

Са Модоло с облегчением выдохнул и выругался:

— Что за человек! Ему что, пьяному море по колено, и даже пол не важен? Лишь бы кто попался под руку, тц!

Голова Юань Чжання покоилась на шейном изгибе Са Модоло, опалая кожу горячим прерывистым дыханием. Ощущая вес чужого тела, жар исходившего от него тепла и стук его сердца, а также чувствуя, как не успело развеяться остаточное эротическое напряжение недавней борьбы, Са Модоло вдруг поймал себя на странном, чужеродном чувстве. Настороженно оттолкнув Юань Чжання, он присел на постели и выругался уже на себя:

— Са Модоло, да ты и сам набрался.

С этими словами он бросился к двери, словно беглец от бедствия, но, едва добежав, вернулся, аккуратно уложил голову Юань Чжання на подушку, накрыл одеялом и поспешно ретировался с места происшествия, беспрестанно бормоча про себя: «Сам любишь затевать игры да высматривать чужие пьяные конфузы — вот теперь получай по заслугам, сам заварил эту кашу, сам и расхлебывай».

Сделав пару кругов по двору, Са Модоло вернулся к дверям комнаты и уселся на низенькой плетеной из травы табуретке, прислонившись спиной к стене. В этот момент Са Дасао вышла из кухни, закончив уборку, и окликнула его:

— Чего это ты до сих пор не ложишься?

— Ох, перепил немного, жарко, вышел проветриться.

Са Дасао напутствовала:

— Посиди чуть-чуть и иди спать, смотри не простудись.

— Знаю, спокойной ночи, Дасао.

Проводив взглядом спину Са Дасао, Са Модоло застыл неподвижной статуей, а в голове у него царил полный кавардак. До сих пор он всякий раз находил грубые и нелепые оправдания, чтобы просто проигнорировать то странное чувство неловкости и смутной тревоги, которое неизменно охватывало его при виде Юань Чжання. Теперь же это состояние разрослось до масштабов, когда отмахнуться просто так уже не получалось. Что же это такое? В обычных расследованиях, стоило ему заметить хоть малейшую несостыковку, он чутко цеплялся за нее и упорно тянул за ниточку, пока не докапывался до правды. Но стоило делу коснуться его собственного сердца, как крошечный намек на странность превратился в нераскрытое висячее дело, и инстинкт сыщика уже не позволял ему сидеть сложа руки. Он принялся раскручивать клубок улик, выстраивая логические цепочки.